

Городнина О.С.,
*кандидат политических наук, доцент кафедры
общей и прикладной политологии,
Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева*

Костяная М.Н.,
*магистрант кафедры общей и прикладной политологии,
Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева*

Политическая коммуникация: от идеи к теории (Часть 1)

В данной статье рассматривается вопрос об истоках формирования научного интереса к проблеме политико-коммуникативного взаимодействия, а также дальнейшее развитие научно-теоретических представлений о политической коммуникации. Авторы убеждены в том, что обращение к данной проблематике не является дежурным или случайным, поскольку информационный обмен, информационное воздействие и влияние на поведение и сознание подавляющего большинства акторов, включенных в общественно-политические процессы, стало неотъемлемым компонентом сложившейся социально-политической практики. Многообразие, разнообразие, неоднозначность используемых политико-коммуникативных техник, механизмов и инструментов настолько увеличилось за последние десятилетия, что не только рядовому гражданину, но и порой эксперту бывает непросто понять и верно определить предназначение того или иного политико-коммуникативного «продукта»: информирование, просвещение, манипулирование или мотивирование. В связи с этим обращение к истокам складывания концепта политической коммуникации позволит внести столь необходимую ясность и четкость в понимание сущности и специфики политико-коммуникативных процессов.

Ключевые слова: информация, коммуникация, политическая коммуникация, политический процесс.

Gorodnya O.S.,
*Candidate of Philosophy, Docent, Associate professor of Department of
General and Applied Political Science,
Orel State University named after I.S. Turgenyev*

Kostyanaya M.N.,
*Graduate student of Department of General and Applied Political Science,
Orel State University named after I.S. Turgenyev*

Political communication: from idea to theory (Part 1)

This article considers the question about the origins of the formation of the scientific interest to the problem of political and communicative interaction, and further development of scientific and theoretical ideas about political communication. The authors are convinced that addressing this issue is not on duty or otherwise because the exchange of information, influence and impact on the behavior and consciousness of the vast majority of actors included in the political processes has become an integral component of the current socio-political practices. The variety, diversity, ambiguity of political and communication techniques, mechanisms and instruments was so much increased in recent decades. Not just an ordinary citizen, but also the expert can not understand and determine the destiny of one or another political-communicative "products" information, education, manipulation or motivation. In this connection the appeal to the origins of the folding concept of political communication will allow us to make much-needed clarity and precision to the understanding of the essence and specificity of politic-communicative processes.

Keywords: *information, communication, political communication, political process.*

Политическая коммуникация продолжает оставаться объектом научного анализа на протяжении долгого времени (первые обращения к данной проблеме, а точнее к вопросам технологий, приемов коммуникационного воздействия можно датировать примерно IV в. до н.э.). Столь устойчивый интерес обусловлен стремлением политических акторов, в первую очередь, повысить эффективность и результативность собственного участия в публичной сфере. Как известно, частое использование силового ресурса не только провоцирует социально-политические конфликты и кризисы, но и становится одним из ключевых условий деградации общественно-политической системы, неспособной создать, сохранить, оптимизировать коммуникативные связи и отношения между различными элементами и институтами политической жизни.

В этой связи политическая коммуникация становится, во многом, универсальным и мощным инструментом разрешения споров и противоречий – неотъемлемых «спутников» политического процесса. Более того, грамотно выстроенная стратегия политико-коммуникационного воздействия позволяет достичь необходимого диалога между участниками публичной сферы, обеспечить значительную степень транспарентности деятельности институтов государственной власти.

Исходя из вышесказанного, изучение политической коммуникации, ее природы, принципов, технологий, возможных вариантов практического применения крайне актуально, на наш взгляд, как в контексте развития политико-теоретического знания, так и в рамках совершенствования сложившихся политико-управленческих связей.

Обращение к научному дискурсу прошлого позволит нам выделить этапы становления концепта политической коммуникации, особенности восприятия политико-коммуникативных взаимодействий в разные периоды развития социально-гуманитарного знания, а также определить основные векторы современного научного поиска по заявленной проблематике.

Обобщив и проанализировав массив научных работ, посвященных политической коммуникации, авторы сочли возможным выделить следующие «вехи» в эволюции теоретического и прикладного аспектов изучения политико-коммуникационных процессов:

1) этап формирования протонаучного и научного знаний о политической коммуникации, включающий в себя:

- зарождение представлений о неинституциональных аспектах взаимодействия субъектов и объектов политики;
- формирование и апробирование на практике простейших коммуникативных приемов;
- переход к концепциям, объясняющим природу политико-коммуникационных процессов.

2) этап актуализации политической коммуникации как инструмента воздействия на общественное сознание и поведение, проявившийся в:

- обосновании рациональной природы политико-коммуникативного взаимодействия;
- признании необходимости политической коммуникации как средства реализации прав и свобод.

3) этап утверждения мультипарадигмального изучения политической коммуникации, предусматривающий:

- становление политической коммуникации как особой отрасли социально-гуманитарного знания;
- складывание и корректирование классических концепций о политической коммуникации;
- обоснование многоаспектности изучения политико-коммуникационной практики.

Не смотря на то, что термин «коммуникация» был включен в научный дискурс в начале XX века, попытки исследователей понять, обосновать, раскрыть сущностные характеристики, а также эффекты политико-коммуникативного процесса уходят корнями в глубокое прошлое. Без преувеличения можно утверждать, что уже племенные вожди, а в дальнейшем – фараоны, монархи и другие политические и общественные деятели были заинтересованы в выстраивании особых моделей взаимодействия с основной массой населения, способствующих максимально эффективному решению и реализации управленческих целей и задач. Последнее невозможно в условиях информационного вакуума, дефицита общественно важных и значимых сведений. С другой стороны, неограниченный доступ общественности к источникам информации, на фоне крайне низкой просвещенности населения и несовершенства коммуникативных связей, мог привести не столько к

позитивным, сколько к деструктивным последствиям. Таким образом, предполагая, предугадывая, осознавая (в разные периоды был актуален свой «вариант») потенциальные возможности, которые дает общение и информация, субъекты политической жизни стремились овладеть мастерством управления массами посредством коммуникационного воздействия.

В рамках обозначенного нами первого этапа эволюции политико-коммуникативного знания необходимо выделить и проанализировать теоретические и прикладные разработки мыслителей прошлого. Известный оратор, философ Демосфен убедительно доказал своим современникам и потомкам, что успех взаимодействия с гражданами полиса, а также с представителями иных этнических общностей зависит от наличия диалога. Содержание и ожидаемые эффекты от последнего обусловлены психологическими, культурными особенностями участников коммуникации. Однако, деление людей на эмоционально и рационально воспринимающих информацию все же достаточно схематично. Современные исследования не подтверждают тезис о доминировании только рациональной или чувственной реакции на информационные импульсы и стимулы [3,с.52].

Не отрицая важности общения, Платон настаивал на необходимости дифференциации, ранжирования сведений, предназначенных для разных социальных групп. При этом, одним из главных коммуникаторов философ считал государство, поскольку именно структуры государственной власти, отвечающие за воспитание молодого поколения граждан, были обязаны отбирать и использовать только те информационные ресурсы, которые способствовали бы формированию патриотизма, гражданской ответственности, чувства справедливости и прочего.

К числу ранних, но, в целом, успешных попыток теоретического осмысления политической коммуникации следует отнести размышления Аристотеля. Последний, рассматривая политику как общение, впервые раскрыл ее коммуникативную сущность. Именно Аристотелю принадлежит одна из первых моделей коммуникативного процесса, а именно описание структуры публичной речи: «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя)» [1,с.14]. Озвученная автором «Афинской политики» идея о коммуникативной сущности политики стала одной из ключевых для будущих научных исследований.

Знаменитый римский оратор и государственный деятель Цицерон определил, что политическое общение приобретает правовой характер, вследствие чего, целью такого взаимодействия является установления «общего правопорядка» в государстве. Мыслителем был разработан определенный спектр коммуникативных технологий, примененных в системе взаимодействий государя и поданных, а также между участниками судебного процесса.

Идея Платона о целенаправленном воздействии на политическое сознание и поведение граждан посредством отбора, изменения содержания и интерпретации сообщений была отражена в трудах Н. Макиавелли. Работая над списком рекомендаций для человека, стремящегося к власти, флорентийский

ученый предостерегал последнего от однообразных и односложных действий. Напротив, умелое и грамотное сочетание любви, страха, поощрения и наказания должно, по мнению Н. Макиавелли, обеспечить достижение поставленных целей. Однако как воздействовать на массы, их разум, чувства без информации?! В связи с этим, Н. Макиавелли настаивал на подробном изучении духовного, ценностного контекста предполагаемой деятельности правителя. Религиозные, морально-нравственные, социально-экономические и прочие представления были для субъекта власти источником крайне ценной информации, позволяющей определить и выбрать наиболее эффективную модель и методы политического управления.

Не смотря на имеющийся опыт и знания в области информационного обмена в период Нового времени политическая коммуникация, все еще, не выделилась в отдельную отрасль научного знания, поскольку только в XVII столетии начинает оформляться рационалистический подход к осмыслению политической практики.

Именно разум рассматривается в качестве одной из главных движущих сил развития человека и общества. Просветители не оспаривали наличие эмоциональной компоненты в характере индивида и ее влияния на формы, содержание, результаты активности человека. Так, Б.Спиноза выделил такие аффекты как желание, удовольствие и неудовольствие, а также их влияние на социально-политическую практику. Однако рациональное начало рассматривается в качестве главной и определяющей доминанты. Достаточно вспомнить концепцию общественного договора в интерпретации Дж. Локка. Английский просветитель настаивал на рациональной мотивации людей, лежащей в основе социальной и политической интеграции. Следовательно, можно предположить, что вступая во взаимодействие, в том числе и в сфере информационного обмена, люди четко понимают причины, цели, результаты подобных действий.

Идеологи Просвещения акцентировали внимание на проблеме прав и свобод человека, а также их гарантии и реализации. Однако, качественное, справедливое решение данных вопросов невозможно достичь волонтаристскими и аналогичными им методами. Таким образом, именно информация становится и причиной, и условием, и механизмом разрешения остроактуальных проблем. Аргументы, подтверждающие данный тезис можно найти, обратившись к политической истории, а именно рассмотреть опыт европейских революций XVII-XVIII столетий, но не в привычном контексте социально-экономических и политических детерминант, а исходя из специфики коммуникативных процессов.

Как известно, в условиях сохранения жесткой сословной иерархии доступ к информации, право распоряжаться ею было признаком социальной и политической элиты. Основная масса населения фактически и юридически не воспринималась в качестве полноправного участника политических процессов. Отсутствие диалога между институтами публичной власти и обществом, с одной стороны, нежелание и неготовность, незаинтересованность субъектов власти придать своей деятельности некоторую степень прозрачности,

диссонировало с стремлением общественности знать и понимать перспективы происходящего, а также стать полноценным актором социально-политической и экономической жизни.

Таким образом, коммуникативные импульсы, их характер, содержание и направленность следует рассматривать в качестве особых индикаторов, грамотная и своевременная расшифровка которых позволила бы внести существенные и принципиальные коррективы в социально-политическую практику. Понимание и признание ошибочности решения искусственного удерживания масс от участия в политике привело к законодательному закреплению нескольких важнейших идей европейских просветителей. Так, включение в текст Декларации прав человека и гражданина, Конституции Франции 1791, 1793 гг. положений о свободе слова и собраний дало человеку (вне зависимости от происхождения, социального статуса, должности) легальное и законное основание озвучивать и отстаивать собственные интересы, в том числе вступая в диалог с властью.

Разумеется, политико-коммуникативные практики в странах Запада, проживающих крайне сложные и болезненные процессы революций и последующих трансформаций, были несвободны от целого ряда недостатков и несовершенств. Однако, настойчивое стремление к лучшей, более справедливой и честной жизни вдохновляло ученых и общественных деятелей разрабатывать новые проекты общественно-политического устройства, а также технологии их практического воплощения. Так, А.Гамильтон и Дж.Мэдисон предприняли попытку создать грандиозную систему государственного управления, которая смогла бы функционировать настолько слаженно, чтобы не возникало никаких «сбоев», выражающихся в конфликтных ситуациях и кризисах. Условием достижения подобной гармонии авторы «Федерации» считали коммуникативные технологии, ориентированные на создание оптимального баланса сил в рамках отстаивания и реализации прав и свобод.

Разумеется, формирование общественно-политической системы, ориентированной на человека, его права, свободы, интересы, потребности предусматривает деятельное активное включение практически всех социальных когорт. Однако, далеко не всегда индивид рассматривался субъектами власти в качестве самодостаточного актора, наделенного разумом и свободой, что влияло на качество и результаты коммуникативных процессов.

Активизация политической жизни, демократизация и либерализация последней на рубеже XIX-XX вв. обусловило расширение коммуникативного пространства. Середина прошлого столетия стала особым рубежным этапом в изучении политических коммуникаций. Если раньше обращение к данной проблеме носило, как правило, эпизодический характер, то благодаря анализу пропагандистских материалов, подготовленных в рамках Первой Мировой войны, ученые открыли мотивирующие, мобилизационные и ряд иных возможностей коммуникации. Более того, зарождающаяся идея информационного общества, в свою очередь, актуализировала научные исследования коммуникативных, в том числе и политико-коммуникативных, процессов.

Классик западной политологии Г.Лассуэл понимал под политической коммуникацией однонаправленный процесс с неким изначально известным результатом, предполагающий явное закрепление и взаимное противопоставление ролей действующего субъекта и управляемой аудитории [7,с.33]. Политико-коммуникативные процессы американский политолог посредством информационно-политической сферы общественной жизни характеризовал, выделив различные формы, механизмы, тенденции развития публичных и непубличных контактов, стиля общения правящих кругов и социума. Результатом размышлений Г.Лассуэла стал отказ от сложившегося ранее восприятия коммуникационного процесса в качестве замкнутой «цепи».

Значительный интерес, как у представителей научного сообщества, так и широкой аудитории граждан вызывают концептуальные разработки К.Дойча, связавшего политический анализ и информационно-коммуникативные процессы. Согласно К.Дойчу политическую систему необходимо рассматривать как сеть коммуникаций и информационных потоков, проходивших через фазы:

- 1) получение и отбор информации;
- 2) обработка и оценка информации;
- 3) принятие решений;
- 4) осуществление решений с обратной связью [5,с.18].

В своих исследованиях автор подчеркивал, что политическая система принимает информацию через так называемые «рецепторы» (внешнеполитические информационные службы и др., внутривнутриполитические центры изучения общественного мнения), где происходит селекция, систематизация и первичный анализ поступивших данных [9,с.105]. В дальнейшем информация обрабатывается в рамках условно обозначаемого блока «памяти и ценностей», где сопоставляется с ранее полученной информацией и интерпретируется через призму норм и ценностей. С помощью полученных результатов органы государственной власти формируют окончательное представление о том, насколько данная политическая ситуация, сформировавшаяся под воздействием информации, соответствует интересам и целям, в связи с чем, принимают определенное политическое решение по регулированию сложившегося состояния системы. На последней фазе система замыкается, и наступает новый цикл функционирования, в рамках которого реализуются принятые решения, а итоги последних выявляются и анализируются на новом «витке» коммуникативного взаимодействия.

В своих исследованиях автор подчеркивал детерминирующую роль информации и коммуникативного обмена. Во многом благодаря пошаговой работе с информационными массивами политическая система оказывалась способной не только генерировать управленческие решения, но и постепенно отслеживая, анализируя меняющиеся условия жизнедеятельности разрабатывать наиболее оптимальные схемы и модели взаимодействия с другими акторами публичной сферы. Так, К.Дойч полагал, что «при достижении цели возможность успеха обратно пропорциональна информационной нагрузке и запаздыванию реакции системы» [5,с.13]. В качестве второй закономерности была определена успешность

функционирования системы, напрямую «зависимая от величины приращения реакции на изменения» [5,с.13]. Вместе с тем, успешная работа системы определяется способностью к упреждению, т.е. возможности правительства предусматривать вероятные последствия принятых решений, выявление угроз и способы их решения.

Бесспорным достижением К.Дойча стала выделенная им тесная взаимосвязь и взаимообусловленность информационной и политико-властной компоненты. Если раньше люди догадывались, предполагали, интуитивно ощущали зависимость качества политико-управленческих действий от использованных сведений, то научно-исследовательские изыскания американского политолога внесли объективно востребованную ясность. Более того, К.Дойч, предостерегая своих современников и последователей о возможной деградации политической системы и социума, настаивал на ошибочности и опасности решения дистанцировать отдельные слои общества от коммуникативного обмена.

Наиболее полное толкование сущности политико-коммуникативных взаимодействий было предложено Р.Ж.Шварценбергом. Автор определял это явление как «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой, а также между политической системой и социальной системой, где идет непрерывный процесс обмена информацией между индивидами и группами всех уровней» [10,с.174]. Вместе с тем, американский политолог, профессор Массачусетского технологического института Л.Пай отмечал, что «политическая коммуникация подразумевает не одностороннюю направленность сигналов от элит к массе, а весь диапазон неформальных коммуникативных процессов в обществе, которые оказывают самое разное влияние на политику. Данная точка зрения нашла немало сторонников. Так, К.Ховланд, М.Шериф и ряд других настаивали на включении в политико-коммуникативную сферу совокупность неформальных политических процессов, способных оказать влияние на управленческую практику и публичные институты.

Новым этапом в изучении политико-коммуникативных процессов стали научные работы Х.А.Инниса (Торонтская школа коммуникативных исследований), который акцентировал внимание не столько на рассмотрении природы политической коммуникации, сколько на том влиянии, которое оказывают коммуникативные технологии на динамику государственного и общественного развития. Автор пришел к смелому, но далеко не бесспорному выводу о том, что эти средства коммуникации детерминируют конкретную модель общественного устройства, а также обуславливают социально-политические эффекты. Подобная взаимосвязь приводит к контролю СМИ властвующими субъектами.

Наличие тесной, непосредственной взаимосвязи между коммуникативными и властными практиками подчеркивал и Р.Дейберт. Автор известной монографии «Пергамент, печать и гипермедиа: Коммуникации в процессе трансформации мирового порядка» убедительно доказывает, что:

1) коммуникации представляют собой жизненно важный и необходимый компонент социального бытия;

2) эволюция коммуникативных способов и методов приведет к трансформации властных отношений;

3) динамика (и позитивная, и отрицательная) коммуникативных процессов спровоцирует изменение в индивидуальном и общественном сознании, а также приведет к пересмотру аксиологической системы, сложившейся в социуме [4].

Изучая роль коммуникации в политическом управлении, Д.Свансон ввел в научный дискурс понятие «политическо-медийная система». Последнее обозначало совокупность постоянно изменяющихся взаимодействий властных институтов и общества. Более того, Д.Свансон был убежден в том, что политические акторы (государственные, партийные лидеры, СМИ и граждане) часто по-разному интерпретируют сообщения в зависимости от занимаемых и исполняемых социально-политических позиций и ролей. Например, после политических дебатов, каждый участник пытается повлиять на формирование общественного мнения, утверждая, что добился более высокого результата в ходе своей деятельности, чем ожидалось. При этом СМИ могут занять позицию критика по поводу данной интерпретации, а общественность негативно воспринимать как СМИ, так и выступающего политика, рассматривая их как составные части единой системы. В целом, политико-коммуникативные отношения возникают тогда, когда политические акторы вступают в диалог по поводу вопросов, которые представляют наибольшее значение для общественности и политических элит.

Однако, ученые были далеки от идеалистического восприятия и толкования политико-коммуникативного взаимодействия. Не смотря на все явные и декларируемые успехи демократического строительства, политика продолжала и продолжает становиться сферой, в которой господствуют иерархические связи и отношения. В этой связи информация становится еще одним рычагом управления, манипулирования групповым и/или общественным сознанием и поведением. В подобных условиях, по мнению М.Кастельса «осуществление власти происходит, прежде, всего, на основе производства и распределения культурных кодов и информации» [6,с.222].

Признавая мультипарадигмальность и междисциплинарность коммуникативных процессов, в том числе в политической сфере, крупнейший специалист Р.Крейг выделил семь теоретических традиций толкования природы коммуникации:

1) риторическая (коммуникация как практическое искусство разговора, способная разрешать социальные трудности с помощью речи, слов как инструментов воздействия на аудиторию);

2) семиотическая (коммуникация как межсубъектное взаимодействие, опосредованное знаниями, позволяющими достичь взаимопонимания между субъектами);

3) феноменологическая (коммуникация как проживание опыта другого, как диалог, объясняющий взаимосвязь тождества и различий в человеческих отношениях, делающие их доверительными);

4) кибернетическая /трансмиссионная /процессно-информационная традиция (коммуникация как процесс передачи и обработки информации);

5) социально-политическая (коммуникация как экспрессия, взаимодействие и влияние субъектов друг на друга посредством когнитивных, эмоциональных и поведенческих эффектов);

6) социокультурная (коммуникация как воспроизводство социального порядка);

7) критическая (коммуникация как дискурсивная рефлексия) [2,с.70-79].

Разумеется, рамки данного исследования не позволяют провести подробный анализ теорий, посвященных политической коммуникации. Однако, опираясь на изученный массив концептуальных разработок зарубежных ученых, можно выделить общую закономерность: коммуникация рассматривается как неотъемлемый элемент политического управления, важнейшей функцией которой является достижение стабильности и эффективности демократического управления.

Интерес к проблеме политической коммуникации не чужд и российским исследователям. Не смотря на невероятную молодость отечественной политической науки, российские ученые и эксперты представили на «суд» научной общественности ряд интересных разработок.

Дефиниции политической коммуникации, предложенные нашими соотечественниками, не отличаются оригинальностью и креативом. Напротив, они дублируют, как правило, определения, сложившиеся в западной политологии [10,с.55]. Однако, на наш взгляд, подобное заимствование не столь страшно. Действительно, предложить абсолютно оригинальную дефиницию явлению, насчитывающему несколько тысячелетий, крайне непросто, отразив при этом сущностные черты, главное предназначение политической коммуникации. Гораздо важнее, по нашему мнению, разработать оптимальные модели, технологии политико-коммуникативного взаимодействия, коррелирующиеся с политико-историческим опытом, ценностной системой и спецификой переходного состояния современной общественно-политической системы РФ. Решение подобных задач на качественном, высокопрофессиональном уровне должно стать объектом научных исследований российских ученых. Наиболее существенный вклад в формирование отечественной научно-теоретической базы в области политической коммуникативистики внесли М.Ю.Гончаров, А.И.Соловьев и М.Н.Грачев.

Исследуя развитие идей о политической коммуникации на протяжении всех исторических этапов, становится очевидным, что политическая коммуникация – это всегда определенный информационный посыл, способ передать актуальную политическую информацию, а также «инструмент» создания и распространения в социальных кластерах особого информационного

продукта, способного вызвать политическое взаимопонимание, дестабилизацию или конфликт.

Западные и отечественные исследователи сходятся в том, что политическая коммуникация определяет всю совокупность феноменов информационного воздействия в сфере политики, связанных с конкретной исторической деятельностью политических акторов по поводу власти и различного рода властно-управленческих отношений в обществе. Основопологающей целью политической коммуникативистики является представление обществу информации, которая ее сможет заинтересовать, повлиять на формирование определенного типа поведения, направить «правильное» русло политические размышления и дальнейшее развитие человека как существа политического.

(Продолжение следует)

Список литературы

1. Аристотель. Риторика Поэтика. М., 2000.
2. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. СПб., 2011. 285 с.
3. Демосфен. Речи. В 3 т. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. (Серия «Памятники исторической мысли»). М., 1994.
4. Deibert R.J. Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. New-York, 2013.
5. Karl W. Deutsch. Politische Kybemetik: Modelle und Perspektiven - Freiburg, 1969.
6. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. 230 с.
7. Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. Лондон, 1929. 250 с.
8. Массовая коммуникация в современном мире. М., 2011. 255 с.
9. Морозова О.С. Политико-коммуникационные процессы в политическом управлении // Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. 2011. №3. С.103-109
10. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. Ч.1. М., 1993. 200 с.

References

1. Aristotel'. Ritorika Poehtika. M., 2000.
2. Gavra D.P. Osnovy teorii kommunikacii. SPb., 2011. 285 s.
3. Demosfen. Rechi. V 3 t. red. E. S. Golubcova, L. P. Marinovich, EH. D. Frolov. (Seriya «Pamyatniki istoricheskoy mysli»). M., 1994.
4. Deibert R.J. Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. New-York, 2013.
5. Karl W. Deutsch. Politische Kybemetik: Modelle und Perspektiven - Freiburg, 1969.
6. Kastel's M. Galaktika Internet. Razmyshleniya ob Interenete, biznese i obshchestve. Ekaterinburg, 2004. 230 s.
7. Lassuehl G. Tekhnika propagandy v mirovoj vojne. London, 1929. 250 s.
8. Massovaya kommunikaciya v sovremennom mire. M., 2011. 255 s.

9. Morozova O.S. Politiko-kommunikacionnye processy v politicheskom upravlenii // Vestnik MGGU im. M.A.Sholohova. 2011. №3. S.103-109
10. Shvarcenberg R.-ZH. Politicheskaya sociologiya: V 3 ch. CH.1. M., 1993. 200 s.